

М. ФРИДЕН
МЫСЛИТЬ ПОЛИТИЧЕСКИ
И МЫСЛИТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКИ

Реф. статьи: Freedен M. Thinking politically and thinking ideologically // Journal of political ideologies. – Oxford, 2008. – Vol. 13, N 1. – P. 1–10.

Статья профессора Оксфордского университета, главного редактора «Журнала политических идеологий» Майкла Фридена посвящена вопросу о соотношении политического и идеологического мышления. Под *политическим мышлением* автор понимает совокупность мыслительных практик (thought-practices), связанных с коллективными проблемами, которые отличаются от других способов рассуждения о том же предмете – например, от экономического или исторического. Понятие *идеологическое мышление* связано с моделями (patterns) убеждений, которых люди придерживаются, рассуждая о важных общественных проблемах, – таких, как демократия, бедность, война, соотношение частного и публичного, электоральный выбор т.п. Идеологическое мышление также отражает борьбу за значения слов, исход которой облегчает выражение одних смыслов и затрудняет формулирование других.

Идеологии – это структуры, в которых фундаментальную роль играет темпоральная составляющая. Большинство из них описывают образ будущего устройства общества (хотя некоторые, например классический марксизм, настолько в нем уверены, что сосредоточены главным образом на устранении препятствий на пути к будущему). Стремясь мобилизовать поддержку, идеологии вызывают к обязательствам по отношению к группе, национальным

чувствам, солидарности, справедливости и т.п. Они направляют коллективное мышление с помощью убеждения и возбуждения эмоций. Сплачивающие эффекты идеологий связаны с предлагаемыми ими рецептами политической стабильности. Многие из них поддерживают представление о политике как главном поставщике желаемых социальных благ. Идеологии ранжируют приоритеты и обосновывают порядок распределения материальных и символических ресурсов – или доказывают необходимость отмены существующего порядка. Наконец, существенным элементом идеологий является власть – вне зависимости от того, видится ли она как благо или зло, как созидательный ресурс или как инструмент угнетения.

На первый взгляд, у идеологии и политики много общего. Политическое мышление также нацелено на решение коллективных проблем. Язык политики пропитан понятиями, предполагающими «окончателность»: суверенитет, резолюции, авторитет, обязанности, неотчуждаемые права, гегемония, легитимность. Относительность и неопределенность значений этих слов не всегда очевидны для тех, кто их произносит. Политический язык воплощает фундаментальную структурную особенность идеологий – претензию на неопровержимость, прекращающую все споры (*the conclusiveness of decontestation*). Стремление «исчерпать» предмет спора (*decontestation*) – это попытка контролировать неоднозначные и текучие смыслы, закрепляя одни и блокируя другие. Культурная и психологическая потребность в обретении определенности в сложном и неоднозначном мире резонирует с требованием ясных решений, которое мир политики предъявляет лидерам. Все идеологии движимы этой потребностью: они конструируют политические планы, постулируют моральные или утилитарные границы и призывают к обретению стабильности – через поддержку нынешних практик или их замену новыми. Политика тяготеет к точкам покоя, даже если она не способна поддерживать социальную стабильность. Из состояния покоя ее приходится вырывать – иногда мягко, иногда насильственно.

И идеологию и политику критикуют за стремление утаивать истину. И это вполне объяснимо: ведь в политике искусственную «окончателность» устанавливают акторы, которые вполне сознают несовершенство своего решения и доказывают его «неизбежность», исходя из тактических соображений, за которыми стоят скрытые стратегические цели. Если принять Марксову характери-

стику идеологий как предвзятого и ложного сознания, то следует признать, что они всего лишь отражают неадекватность, присущую политической реальности, в которой производятся.

Что не менее важно, разные понимания политического влекут за собой разные способы определения границ идеологии. Ведь профессиональные политические теоретики должны убеждать с помощью концепций политики, которые отражают доминирующие эпистемологии и идеологии; при этом они, как правило, игнорируют иные интерпретации. В подтверждение М. Фриден ссылается на давнюю статью Шелдона Уолина «Политическая теория как занятие», автор которой утверждал, что политологи конструируют неполитические теории, которые не предлагают значимого выбора и не обсуждают качество сложившейся общественной жизни [Wolin, 1969].

Те, кто видит задачу политической теории в производстве рационально обоснованных моральных представлений, нередко противопоставляют ее идеологии. Однако Фриден настаивает, что политическая теория имеет устойчивые идеологические черты, которые выражаются как на уровне сущности, так и на уровне структуры. *Сущностное* сходство с идеологиями проявляется в стремлении теоретиков обосновывать политическое, ориентируясь исключительно на определенные демократические практики и идеалы. Многообразие скорее восхваляется, чем действительно принимается во внимание. По мнению Фридена, это «исключает возможность действительно сравнительной политической теории, которая принимала бы всерьез недемократические способы мышления. Таковые не обязательно поддерживать, но и не следует исключать из сферы политического» [Freeden, 2008, p. 4]. Неудивительно, что в таких случаях «идеология» связывается исключительно с догматизмом недемократий. Однако это «обедняет, а не обогащает наше понимание политического» [Freeden, 2008, p. 5].

На уровне *структуры* сходство с идеологиями прослеживается в том, что политическая теория, как правило, строится на основе одного-единственного представления о политическом либо ограничивается простым картографированием альтернативных подходов. Кроме того, теоретики нередко склонны приписывать себе роль учителей, направляющих публику к благой жизни. «Соответственно, — пишет Фриден, — когда политические философы такого рода... считают, что этика вырабатывает императивы исти-

ны или разума, разрыв между ними и идеологами сокращается до нуля...» [Freedен, 2008, р. 5]. При этом теоретики упускают три важных момента. Во-первых, для широкого распространения их идей требуется язык, достаточно общепонятный, чтобы рассчитывать на широкую поддержку. Во-вторых, возможности понятийного аппарата и аргументации неизбежно налагают ограничения, заставляя мириться с неопределенностью. В-третьих, производство политической теории нельзя заключить в контейнер с этикеткой «деятельность профессиональных специалистов»; напротив, она производится в массовом масштабе, и данное обстоятельство имеет большое значение. Получается, что и идеологические рассуждения, и политическое философствование – особенно англо-американской школы – это социальные практики первого порядка, которые могут процветать и без методологической рефлексии второго порядка.

Обсуждая проблему границ политического, автор обращается к дискуссии о теоретическом наследии Карла Шмита, идеи которого нередко используются для критики современной англо-американской философии. По мнению Фридена, слабость подхода Шмита проявляется в исключении либерализма из орбиты политического по определению – поскольку либерализм занимает принципиально нейтральную позицию по отношению к соперничающим альтернативам. Он подчеркивает, что книга Шмита – не о концепте политического, а о самом политическом и его отношении к миру «реальных» явлений. Работа Шмита не объясняет, как *структурировано* понятие «политика» и какую роль оно играет в том, как люди *думают* о политике, и уж тем более не предлагает теорию политического мышления. В работе лишь предлагаются две идеи относительно *практики* концептуализации политического и ее влияния на политическую теорию и политический дискурс. Первая идея привлекает внимание к идеологическому перевертыванию слов с целью представить врага стоящим вне закона и лишить его человеческих качеств. Вторая утверждает связь между отношением «друг – враг», составляющим ядро политического, и отрицанием «антропологического оптимизма». Последнее, по замечанию Фридена, вопреки изначальным намерениям Шмита, вводит в его теорию специфическую концепцию человеческой природы.

В конечном счете понимание соотношения между политическим и идеологическим мышлением определяется интерпретацией

политического. Если она учитывает неизбежность конфликтов, конкуренция идеологий рассматривается как норма. Но если конфликты считаются вредными и деструктивными, идеологии и их репрезентация в качестве взаимоисключающих систем идей тоже приобретают опасные коннотации. Если включающая демократическая повестка рассматривается как единственный вид политики, это ведет к новой версии конца идеологий. «С учетом этого, – заключает Фриден, – стоит помнить о фундаментальном цикле: там, где концепция политического диктует понимание идеологий вообще, она сама может оказаться продуктом идеологических предпочтений, связанных с определенными представлениями об обществе и о том, каким оно должно быть» [Freedен, 2008, p. 8].

Термин «политическое» вместо «политика» отсылает к некоему открытому пространству смыслов. Однако многие авторы связывают его с единственным атрибутом, будь то коллективное принятие решений, власть, публичная сфера, консенсус, плюрализм, демократия в той или иной форме, «друг – враг» и др. По мысли Фридена, это попытка уйти от сложности и неопределенности политической сферы, которая усиливает тенденции, характерные для идеологии, – упрощать политическую реальность ради облегчения принятия решений и коммуникативных нужд элит. Каждый из перечисленных выше атрибутов политики в свое время притяжал на роль святая святых политики, но едва ли на этом основании можно исключать другие свойства. Характеристики политического – это его необходимые аспекты, конкретные идеологические проявления которых в каждом конкретном случае могут меняться.

По заключению автора, общества не могут существовать и функционировать без атрибутов политического мышления, перечисленных выше. А идеологии – это реально существующие контейнеры, в которые заключены эти необходимые свойства; они предлагают бесчисленное множество вариаций каждого из атрибутов политического. Поэтому «утверждать, что политическое мышление всегда имеет идеологическое измерение и что практика политического рассуждения никогда не может быть свободна от идеологии – отнюдь не значит впасть в редукционизм» [Freedен, 2008, p. 9].

Литература

Frieden M. Thinking politically and thinking ideologically // Journal of political ideologies. – Oxford, 2008. – Vol. 13, N 1. – P. 1–10.

Wolin S. Politics as vocation // American political science review. – Washington, DC, 1969. – Vol. 63. – P. 1062–1082.

О.Ю. Малинова